

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 3 · 2014

<http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2014-03-31-10-15-58/2014-3>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПОСТИЖЕНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

.....

В. В. Знаков¹

В статье дан методологический анализ трех тенденций развития психологического познания в последние три десятилетия. Во-первых, анализируются психологические исследования обработки информации в человеческом мышлении, основанной иногда на интуитивном опыте, иногда на логически обоснованном знании. Показано, что согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна система ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, а другая основана на аналитической обработке. Их описания соответствуют представлениям психологов о когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна и двух познавательных стилях — рациональном и интуитивном. Такие научные представления неразрывно связаны с существованием целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному. Во-вторых, доказываем, что современный человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. События и ситуации в этих реальностях понимаются людьми по типам понимания-знания, понимания-интерпретации и понимания-постижения. В-третьих, обосновывается, что экзистенциальную реальность субъект не познает, а постигает. Соответственно экзистенциальный опыт субъекта закономерно включает не только бессознательные знания и переживания, но и непостижимое и таинственное. Обосновано, что непостижимость реальности — это один из атрибутов бытия. Непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Постигание представляет собой такой тип понимания, который направлен на явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. Постигание — это такое схватывание целого, части которого субъект по тем или иным причинам не может познать и детально описать. Проанализирована тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен. Определение тайны дано на основе психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача.

Ключевые слова: понимание, постижение, знание, опыт, непостижимое, тайна.

¹ Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук (Москва), Москва, Россия. Эл. адрес: znakov@psychol.ras.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-06-00087 «Понимание, знание и опыт».

Два психологических механизма мышления

Одной из важнейших тенденций развития методологии психологической науки в последние три десятилетия является анализ двойственности механизмов обработки информации в человеческом мышлении. Двойственность мышления, с одной стороны, отражает многомерность мира человека, принципиальные различия в типах проблем, которые субъект должен решать в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях [Знаков, 2012]. С другой стороны, в названной тенденции развития методологии психологической науки как в имплицитном, так и эксплицитном виде выражено соотношение сознательных и бессознательных, логических и интуитивных компонентов человеческих рассуждений. Закономерность и оправданность существования такой тенденции следует из публикаций зарубежных и российских ученых.

С. А. Сломэн выделяет две системы мышления — ассоциативную и основанную на правилах. Первая система ассоциативна потому, что ее функционирование направлено на отражение подобных структур и отношений пространственно-временной смежности. Вторая система основана на правилах, она оперирует символическими структурами, содержание и свойства которых обеспечивают логически правильные рассуждения. Две системы анализируются автором как обладающие взаимодополняющими функциями, обеспечивающими мыслящему субъекту возможность одновременно осуществлять разные варианты решения задачи [Sloman, 1996].

Многие психологи различают два типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К. Е. Станович и Р. Ф. Уэст назвали их процессами Системы 1 и Системы 2 [Stanovich, West, 2000]. Процессы Системы 1 возникают спонтанно и не требуют большого количества ресурсов внимания. Распознавание того, является ли входящий в аудиторию человек вашим учителем по математике, задействует процессы Системы 1. Узнавание этого человека осуществляется мгновенно, без приложения усилий и не зависит от интеллекта, мотивации или сложности решаемой задачи. Вычисление без калькулятора квадратного корня из числа 19163 задействует процессы Системы 2 — ментальные операции, требующие усилий, мотивации, концентрации внимания и следования ранее выученным правилам. При вычислении квадратного корня Система 1 не играет никакой роли, потому что эта задача не предполагает интуитивного решения. Только человек, достаточно мотивированный и знающий алгоритм, может получить правильный ответ [Frederick, 2005].

Итак, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут

время от времени функционировать параллельно. Однако когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 [Gervais, Norenzayan, 2012]. Удовлетворительное объяснение этого феномена можно найти в представлениях Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного [Пиаже, 1996]. С точки зрения ученого, познающий субъект обычно не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (то есть принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» [Пиаже, 1996]. По его мнению, осознание — это следствие реконструкции на высшем — сознательном — уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем — бессознательном уровне.

Дж. С. Б.Т. Эванс предпринял попытку систематизировать отличительные признаки двух систем мышления, представленные в статьях разных психологов. Систему 1 характеризуют: автоматичность, эвристичность, эмпирический опыт, имплицитное неявное знание, ассоциативность, интуитивность, бессознательность, импульсивность, холистичность. Такой стиль мышления отличается интуитивностью принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности. Система 2, наоборот, во время мышления проявляется в контролируемости, систематичности, рациональности, эксплицитности знания, логичности, осознанности, рефлексивности, аналитичности. Реализующее Систему 2 мышление оказывается целенаправленным, логически обоснованным и осознанным [Evans, 2008].

В современной науке убедительные подтверждения двойственности психологических механизмов человеческого мышления можно найти в исследо-

ваниях аналитического и холистического типов мышления [Choi et al., 2007; Pierce, 2007; Mei-Hua, 2008; Gervais, Norenzayan, 2012; Знаков, 2013].

Фактор аналитической переработки информации взаимосвязан с фактором общего интеллекта, в то время как фактор холистической переработки — с эмоциональным интеллектом. В исследовании С. С. Беловой с соавторами не было выявлено связи аналитичности и холистичности с креативностью [Белова и др., 2012]. Вместе с тем в целом ряде других работ утверждается, что креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач [Zhang, 2002]. Фрэйм двойственности когнитивной обработки предсказывает, что стратегия аналитического мышления может быть источником религиозного неверия. Искренне верующие люди проявляют больше положительных эмоций в ситуациях, актуализирующих естественный для человека страх смерти. При обсуждении проблем, связанных с религиозными убеждениями (в частности, эвтаназии, аборт и др.), они обнаруживают меньшую когнитивную сложность, чем атеисты. Однако при решении иных проблем (пример — охрана окружающей среды) когнитивная сложность рассуждений холистов становится такой же, как у аналитиков [Friedman, 2008].

Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р. Е. Нисбеттом с коллегами [Nisbett et al., 2001]. Модель включает *четыре* основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция.

При оценке социальных ситуаций холисты обычно прежде всего обращают внимание на *целостный контекст*: отношения между объектами и областью, которой они принадлежат. Напротив, аналитический стиль мышления способствует направленности внимания скорее на сами объекты, чем на область, которой они принадлежат. Холисты более полезависимы, чем аналитики, им труднее отделить объект от области, в которую он включен. Зато холисты лучше, чем аналитики, справляются с обнаружением отношений среди объектов на фоне поля.

В неоднозначных социальных ситуациях и спорах холисты обычно более *толерантны к противоречиям* и пытаются достичь компромисса. Они основываются на предположении, что противоположные суждения могут быть одновременно верными и что каждое в конечном счете может быть преобразовано в свою противоположность. Напротив, формальный логический подход аналитиков проявляется в их направленности на решение противоречий путем выбора одного из двух противоположных суждений.

Холисты полагают, что в природном и социальном мире все связано друг с другом. Они рассматривают объекты, явления как нестатичные и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состоя-

ние постоянного *изменения*. Аналитики, наоборот, воспринимают большинство объектов как независимые. Из этого следует, что, по их мнению, сущность объектов не изменяется в течение долгого времени, потому что она не подвержена влиянию других факторов.

Каузальная атрибуция: интерпретируя причины поведения других, люди обычно сводят объяснения либо к ситуативным факторам, либо к диспозициональным (чертам личности, предрасположенности реагировать сходным образом в различных ситуациях). Аналитики нацелены преимущественно на поиск диспозициональных причин, в то время как холисты включают в объяснение также и ситуативные факторы. Прежде чем сделать заключение, холисты рассматривают большее количество информации, чем аналитики. В результате они реже совершают фундаментальные ошибки каузальной атрибуции [Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Pierce, 2007].

Гораздо раньше западных психологов к глубоким и содержательным выводам о двойственной природе человеческого мышления пришел отечественный психолог Я. А. Пономарев. Исследуя мышление и творчество, он различал логический и интуитивный опыт. Сознательный логический опыт всегда связан с целями мыслительной деятельности (предвосхищаемыми результатами действий, которые субъект может высказать словами). Интуитивный опыт, основанный на бессознательном знании, формируется вне и независимо от целей. Соответственно мыслящий субъект не осознает такое знание, и потому бессмысленно спрашивать его о характеристиках и свойствах интуитивного опыта. По Я. А. Пономареву, превращение бессознательного знания в осознанное возможно только с помощью действий: чтобы реализовать в мышлении интуитивный опыт, субъект должен осуществить определенные умственные действия [Пономарев, 1976]. Д. В. Ушаков, развивая эти идеи, уточняет: «Люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то тогда они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлекссию своих действий» [Ушаков, 2006]. Очевидно, что здесь уже отчетливо просматривается попытка осмысления психологических механизмов двойственности мышления, анализа сфер реализации Системы 1 и Системы 2.

От знания — к опыту

В наше время обращение многих психологов к категории опыта происходит не случайно. С одной стороны, интерес к этому феномену органично вытекает из описанных выше психологических исследований двойственности мышления, функционирование которого происходит при опоре как на достоверные знания, так и на интуитивный опыт. С другой стороны, такой поворот в научном мировоззрении ученых соответствует методологическим тенденциям

развития современного социогуманитарного познания. Сегодня в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена *опыта* — индивидуального и надличностного. В научном исследовании знание соотносится главным образом с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями.

В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла опыта, а не истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом [Анкерсмит, 2007]. Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референтными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий. Научные теории — это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания.

В истории психологии сначала произошел *сдвиг от когнитивизма* с его идеей истинности знания к *конструктивистской психологии*, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий [Gergen, 1985]. Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит *сдвиг от языка к опыту*. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности? [Анкерсмит, 2007]. Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл. Особую роль в человеческом бытии играет такой вид опыта, как *экзистенциальный*. Он направляет весь ход жизни человека и, в частности, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию тезаурусного и нарративного понимания субъектом себя и мира.

Разумеется, все многообразие психологических исследований нельзя сводить только к изучению экзистенциальных сторон человеческого бытия. В современной психологии существует три традиции психологического исследова-

ния (когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная), в каждой из них при описании исследователем проблем, целей, результатов ключевую роль играют соответственно понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение [Знаков, 2009]. Однако основная цель этой статьи — научный анализ осмысления и понимания человеком событий и ситуаций, возникающих в экзистенциальной реальности человеческого бытия [Знаков, 2012].

Экзистенциальный опыт и понимание-постижение событий и ситуаций

В современной психологической литературе представлено шесть основных составляющих экзистенциального опыта, которые находятся в фокусе внимания ученых. Это его трехкомпонентная структура, метасистемная организация, переживание как субъективная ценность, свое и чужое в опыте человека, понимание-постижение и непостижимое, а также тайна как атрибут опыта.

С позиций психологии человеческого бытия принципиально важно различение *экзистенциального* и *обыденного*, повседневного видов опыта субъекта. Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации. Экзистенциальные — это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе понимания и переживания которых изменился его внутренний мир. *Экзистенциальный опыт представляет собой совокупность бессознательных знаний и переживаний субъекта.*

Экзистенциальный опыт неизбежно включает в себя постижение. В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Понимать можно и простое, и сложное, а постигать — только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти апокалиптическим событием стала неоднократно повторявшаяся по телевидению картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С. А. Хмелевской и Н. И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют постижение-систему» [Хмелевская, Яблокова, 2013]. В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное,

эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» [Хмелевская, Яблокова, 2013].

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Постижение представляет собой такой тип понимания, который, во-первых, направлен не на простое, а на *сложное*: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного *постижимый* возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных *творческих* усилий, глубокой *интуиции*, *озарения*, божественного *откровения*. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» [Апресян и др., 1997]. Во-вторых, постижение — это такое *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе.

Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний.

Решения, принимаемые нами в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном непонятном постижении. Экзистенциальный опыт объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то уверены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения. Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области.

Непостижимое и тайна — проблемы психологии понимания

Непостижимое — одна из объективных характеристик бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях. Бытие, условно говоря, больше мышления потому, что существует немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. Например, мэр мегаполиса не может иметь достоверной информации о техническом состоянии всех коммуникаций в городе. Таким образом, непостижимость самой реальности — это один из атрибутов бытия.

Необходимо уточнить: *непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания*. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации, другими словами, объединения частей в целостную схему, структуру осознаваемых и не-

осознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта.

Важной частью экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и тайна. Психологи должны осознавать, что некоторые стороны экзистенциального опыта объективно таинственны. Они таинственны не вследствие слабости нашего познания, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании *бессмысленности усилий*, направленных на ее раскрытие, разоблачение.

Что такое тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен? Содержательно тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. Например, в рассказе классика русской литературы, писателя-реалиста И. С. Тургенева «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не существующая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля тот услышал то же самое.

Вполне удовлетворительное определение тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А. В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию* и *задачу*. *Проблемная ситуация* — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее «что-то не так», «что-то не то». Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации. *В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова*. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительное и приблизительно расчленив данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» [Брушлинский, 1998]. По А. Н. Леонтьеву, задача — это цель, данная в определенных условиях.

С психологической точки зрения тайна обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект *не может преобразовать* в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым,

на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно *значимую* для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.

3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только *редкие*, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у радиомеханика. Вместе с тем, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Однако различные гипотезы, хотя и будут способствовать запуску мышления, но вряд ли приведут к удовлетворительному формулированию условий задачи, превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

4. Таинственные явления оставляют *неудовлетворенной* познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Приведу типичный пример. В Самаре у меня есть знакомый профессор психологии. Он много лет профессионально занимается психологией характера, написал немало трудов по этой проблематике. Однажды ему показали астрологический прогноз его внучки, и он был поражен почти полным совпадением суждений астролога с его собственными представлениями о характере девочки. Будучи ученым, он начал рассуждать о возможностях доказательства неслучайности совпадения. Могут ли обладать одинаковым психологическим складом люди, родившиеся в один день? Однако, наверно, надо учитывать точное время рождения, место, может быть, национальность и т.п. Постепенно становится очевидно, что все условия формулировки этой задачи учесть практически невозможно. Вывод: не пытаться решить загадку точности астрологического прогноза, а принять отраженную в нем характеристику как единичный факт. Этот факт (психологическая характеристика родного человека) не может быть абстрактно-безразличным, он явно обладает личностной экзистенциальной ценностью для профессора.

Тайна есть неустранимый и *непроблемный* контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраним скрытое в ее условиях противо-

речие. В таинственном не *может быть противоречий*, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраниваются, но и превращаются в свою противоположность.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. Для всех нас тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с нами будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному *оценивают*, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо Да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

В основании *экзистенциальной тайны* лежит не познавательное стремление к решению задачи. Наоборот, при ее появлении важен осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной *ценности*. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. Экзистенциальная тайна — это атрибут и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни.

Когнитивно тайна непознаваема. В экзистенциально-герменевтическом контексте в ней проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания.

Следовательно, *тайна — это проблема психологии понимания*.

Заключение

Итак, анализ методологических тенденций развития современной психологии показал следующее. Из двойственности психологических механизмов мышления следует, что изучение роли экзистенциального опыта (а не только логически обоснованных и осознанных субъектом знаний) — это, безусловно,

перспективное направление психологических исследований. Изучение опыта расширяет горизонты исследовательского поля, позволяет психологам фокусировать внимание на анализе принципиально новых проблемных ситуаций — постижения, непостижимого, тайны и др.

Кроме того, такой анализ углубляет содержательные представления ученых о существенных различиях в осмыслении субъектом характерных особенностей эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. В эмпирической реальности мы решаем предметные задачи, результатом решения которых является *новое знание* о мире. Вслед за А. В. Брушлинским можно утверждать, что при обращении психологов к анализу макрокатегорий, не имеющих референтов в эмпирической реальности («духовность», «гуманизм», «справедливость» и др.), решающее значение приобретает *способ* их интерпретации. Исследуя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» [Брушлинский, 2006, с. 562]. Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция — порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания, интерпретация — это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А. В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, концентрация внимания психологов даже только на одной из методологических тенденций, связанной с интуитивным мышлением и экзистенциальным опытом способствует не только углублению научных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф. (2007). *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа.
2. Апресян, Ю. Д. и др. (1997). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск*. Ю. Д. Апресян (ред.). Москва: Школа «Языки русской культуры».
3. Белова, С. С. и др. (2012). Аналитические и творческие способности в социальной сфере. В С. С. Белова, Е. А. Валугева, В. В. Овсянникова, Т. А. Сысоева (ред.) *Психология образования в поликультурном пространстве*, (4), 91-97.

4. Брушлинский, А. В. (2006). *Избранные психологические труды*. Москва: Институт психологии РАН.
5. Брушлинский, А. В. (1998). Интеллектуальные процессы: мышление. В А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский (ред.) *Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений*. Москва: Академия.
6. Знаков, В. В. (2013). Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. *Вопросы психологии*, (4), 135-146.
7. Знаков, В. В. (2012). Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, (3), 18-29.
8. Знаков, В. В. (2009). Три традиции психологических исследований — три типа понимания. *Вопросы психологии*, (4), 14-23.
9. Пиаже, Ж. (1996). Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное. *Вопросы психологии*, (6), 125-131.
10. Пономарев, Я. А. (1983). *Методологическое введение в психологию*. Москва: Наука.
11. Ушаков, Д. В. (2006). Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа. В Д. В. Ушаков (ред.) *Психология творчества: школа Я. А. Пономарева*. Москва: Институт психологии РАН.
12. Хмелевская, С. А., Яблокова Н. И. (2013). Система форм постижения бытия в контексте современной культуры. *Вестник МГОУ. Серия «Философские науки»*, (2), 74-78.
13. Choi, I. et al. (2007). Individual differences in analytic versus holistic thinking. In I. Choi, M. Koo, J. A. Choi (Eds.) *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 33 (5), 691-705.
14. Evans, J. S. B. T. (2008). Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annu. Rev. Psychol.*, (59), 25-278.
15. Frederick, S. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (4), 2-42.
16. Friedman, M. (2008). Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion*, (18), 216-237.
17. Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, (40), 260-275.
18. Gervais, W. M., Norenzayan A. (2012). Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, 336 (27), 493-496.
19. Mei-Hua, L. (2008). *Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University.
20. Nisbett, R. E. et al. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. In R. E. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan (Eds.) *Psychol. Rev.*, 108 (2), 291-310.
21. Pierce, M. E. (2007). *Individual and holistic information processing*. Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. Blacksburg, 1-24.

22. Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (1), 3-22.
23. Stanovich, K. E., West R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (5), 645-726.
24. Zhang, L. F. (2002). Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance. *Educat. Psychol.*, 22 (3), 331-348.

Статья поступила в редакцию 15.05.2014.

.....

EXISTENTIAL EXPERIENCE AND COMPREHENSION AS METHODOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING PSYCHOLOGY

V. V. Znakov

Viktor Vladimirovich Znakov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Principle Research Officer of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Moscow, Russia.
E-mail: znakov@psychol.ras.ru.

The article describes the methodological analysis of three tendencies of the psychological cognition development for last three decades. Firstly, the author analyzes the psychological studies of the information processing during the human thought, sometimes based on intuitive experience or logical knowledge. It is shown that a person has two different but interacting systems for the information processing according to the dual-process theories of human thinking. One system is focused on the heuristics, producing intuitive responses and the other one is based on analytical processing. Their descriptions correspond to the psychologists' ideas of the Cognitive-Experiential Self-Theory (CEST) by S. Epstein and two cognition styles — rational and intuitive ones. Such scientific ideas are indissolubly linked with the existence of the integrated continuum of the methods for the world understanding: from paradigmatic to narrative and then to thesaurus. Secondly, it is proved that a modern person lives in the multidimensional world, consisting of the empirical, socio-cultural and existential realities. The events and situations in these realities are understood by people after the types «understanding-knowledge», «understanding-interpretation» and «understanding-comprehension». Thirdly, it is reasoned that a subject does not cognize the existential reality but comprehend. Therefore, the existential experience of a subject naturally includes not only unconscious knowledge and experiences, but also incomprehensible and mysterious things. It is proved that the incomprehensibility of the reality is one of the attributes of the being. The incomprehensibility does not mean the essential impossibility of understanding. Comprehension represents such type of understanding which is focused on the phenomena and the objects of the world, requiring extraordinary efforts to be understood. Comprehension is such apprehending of the whole thing, the parts of which a subject cannot cognize and describe in details for any reasons. Mystery was analyzed as a scientific and psychological but not mystical and fantastic phenomenon. Mystery is defined on the basis of psychology of thought in which a problem situation and a problem differ.

Key words: understanding, comprehension, knowledge, experience, an incomprehensible thing, and a mystery.

References

1. Ankersmit, F. (2007). *Vozvysheennyj istoricheskij opyt* [Important historical experience]. Moscow: Evropa.

2. Apresyan, Yu.D. et al. (1997). *Novyj ob"yasitel'nyj slovar sinonimov russkogo yazyka. Pervyj vypusk* [New explanatory dictionary of the Russian language synonyms. First issue]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow: School "Languages of the Russian culture".
3. Belova, S. S. et al. (2012). Analiticheskie i tvorcheskie sposobnosti v social'noj sfere [Analytical and creative capabilities in the social sphere]. In S. S. Belova, E. A. Valueva, V. V. Ovsyannikova, T. A. Sysoeva (Ed.) *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Psychology of education in poly-cultural space], (4), pp. 91-97.
4. Brushlinskij, A. V. (2006). *Izbrannye psikhologicheskie trudy*. [Selected works in Psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
5. Brushlinskij, A. V. (1998). Intellektual'nye protsessy: myshlenie [Intellectual processes: thought]. In A. V. Petrovskij, M. G. Yaroshevskij (Ed.) *Psikhologiya: Uchebnik dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenij* [Psychology: Textbook for the students of pedagogical higher education institutions]. Moscow: Akademia.
6. Khmelevskaya, S. A., Yablokova N. I. (2013). Sistema form postizheniya bytiya v kontekste sovremennoj kul'tury [System of the forms of being comprehension in the context of the modern culture]. *Vestnik MGOU. Seriya "Filosofskie nauki"* [Bulletin of MGOU. Series "Philosophical Sciences"], (2), 74-78.
7. Piaget, J. (1996). Affektivnoe bessoznatel'noe i kognitivnoe bessoznatel'noe. [The affective unconscious and the cognitive unconscious]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (6), 125-131.
8. Ponomarev, Ya. A. (1983). *Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu* [Methodological introduction to Psychology]. Moscow: Nauka.
9. Ushakov, D. V. (2006). Yazyki psikhologii tvorchestva: Yakov Aleksandrovich Ponomarev i ego nauchnaya shkola. [Languages of Psychology of creative activity: Yakov Aleksandrovich Ponomarev and his scientific school]. In D. V. Ushakov (Ed.) *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya. A. Ponomareva* [Psychology of creative activity: school of Ya. A. Ponomarev]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
10. Znakov, V. V. (2013). Analitichnost' i kholistichnost' vo vzglyadakh A. V. Brushlinskogo i O. K. Tikhomirova [Analyticity and holism in the views of A. V. Brushlinskij and O. K. Tikhomirov]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (4), pp. 135-146.
11. Znakov, V. V. (2012). Mnogomernyj mir cheloveka: tipy real'nosti, ponimaniya i social'nogo znaniya [Multidimensional human world: types of the reality and social knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], (3), pp. 18-29.
12. Znakov, V. V. (2009). Tri traditsii psikhologicheskikh issledovanij — tri tipa ponimaniya [Three traditions of psychological studies — three types of understanding]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (4), 14-23.
13. Choi, I. et al. (2007). Individual differences in analytic versus holistic thinking. In I. Choi, M. Koo, J. A. Choi (Eds.) *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 33 (5), 691-705.
14. Evans, J. S. B. T. (2008). Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annu. Rev. Psychol.*, (59), 25-278.
15. Frederick, S. (2005). Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (4), 2-42.

16. Friedman, M. (2008). Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion*, (18), 216-237.
17. Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, (40), 260-275.
18. Gervais, W. M., Norenzayan A. (2012). Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, 336 (27), 493-496.
19. Mei-Hua, L. (2008). *Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University.
20. Nisbett, R. E. et al. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. In R. E. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan (Eds.) *Psychol. Rev.*, 108 (2), 291-310.
21. Pierce, M. E. (2007). *Individual and holistic information processing*. Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. Blacksburg, 1-24.
22. Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (1), 3-22.
23. Stanovich, K. E., West R.F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (5), 645-726.
24. Zhang, L. F. (2002). Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance. *Educat. Psychol.*, 22 (3), 331-348.